

В начале было «Сева»

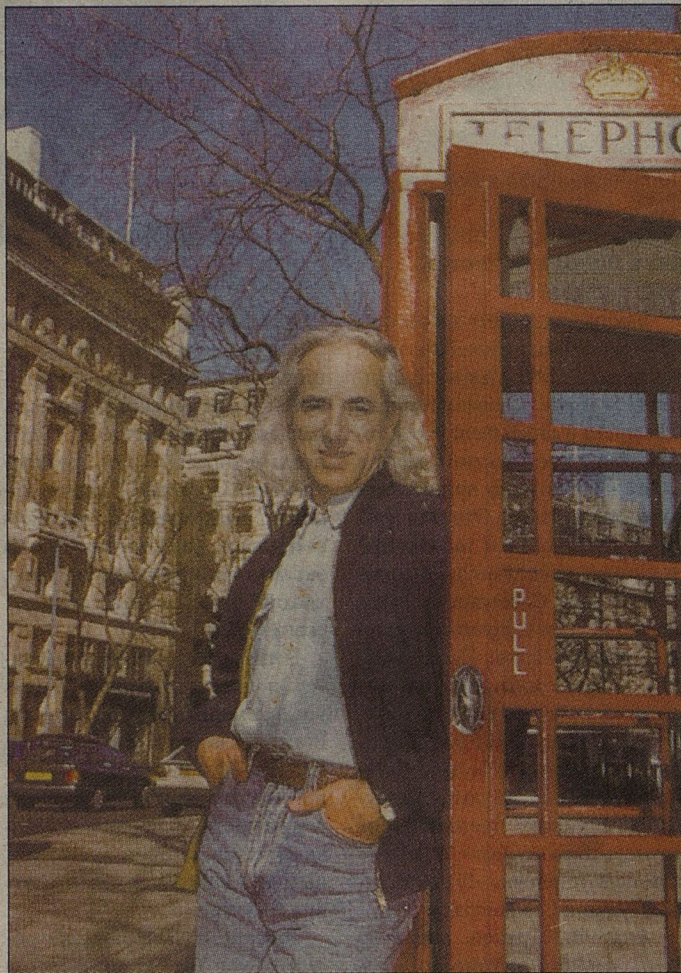
У родителей был Уиллис Коновер, у нас – Сева Новгородцев

Вадим Алексеев

«Взгляд», «Эхо Москвы» и НТВ пришли много позже. В 70–80-е полстраны ловило Севу Новгородцева, прижавшись ухом к приемнику.

Рассказы Севы Новгородцева конспектировались, а шутки и байки пересказывались как анекдоты. «Голоса» звучали и раньше, но именно Севе удалось создать свой неповторимый стиль общения со слушателями, войдя в каждый дом через кухню, где и стоял приемник. В нем не было ничего общего с суровыми рассказами о героических диссидентах – программой «Время» наоборот. Его голос был ироничен, юмор отточен, а язык искрометен.

Профессий у Новгородцева было немало: штурман торгового флота, саксофонист в джаз-оркестре, владелец фирмы грамзаписи, автор кулинарной книги и трех томов «Рок-посевов», дважды противник Джеймса Бонда в фильмах «Шпионы как мы» и «Вид на убийство», редактор и издатель журнала о музыке на русском языке. А еще – вегетарианец, мотоциклист, философ-мистик и астроном-любитель. В свое

Типичный лондонский пейзаж.

Фото из архива Би-би-си

удовольствие играет на флейте – легкую классику. Немного холодноватый британский джентльмен. И, конечно, ведущий двух популярнейших радиопрограмм: «Рок-посевы» и «Севаоборот», собравших аудиторию в 17 млн. человек.

Сейчас живет под Лондоном, в Гринвиче, на самом на меридиане – в доме времен Крымской войны и с видом на парк с вековыми деревьями. Сам себя называет «профессиональным дилетантом». Разделяет себя и «Севу Новгородцева», полагая, что известность и слава приносят лишь одни неудобства. Своей основной задачей считает «проведение электричества из Англии в Россию». А главным достижением – улучшение человечества посредством своих шуток. В прошлом году Сева Новгородцев побывал в Москве на собственном дне рождения. Объехал полстраны в поисках юных талантов, желающих стать телезвездой.

Сева, петербуржец в третьем поколении, вырос в Эстонии, где служил его отец. Здесь же, в 14 лет, он выиграл с монологом Хлестакова национальный конкурс юных дарований. Следствием этой победы стала поездка

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 15

Независимая газ. - 2003 - 7 марта. - с. 14.

В начале было «Сева»

Независимая газ. - 2003. - 7 марта - с.15.

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13

в Москву для поступления в театральное училище. Так что, если бы не пресловутый «пятый пункт», Всеволода Борисовича Левенштейна явно ждала бы громкая сценическая слава. Однако сам он так не считает, говоря, что «способности у него есть, а таланта нет». Но тем не менее говорит, что как актер осуществился – на своей работе.

Провалившись в театральное, Сева едет в Питер поступать в мореходку. Где днем играет на саксофоне, а ночью, в компании соученика – Артура Чилингарова, будущего полярника и депутата, слушает «Билло Коровина», легендарного джазового ведущего «Голоса Америки» Уиллиса Коновера. Позже знавший обоих Алексей Леонидов, открывший русский джаз для Запада и Новгородцева для России, напишет: «Феномен и парадокс Уиллиса Коновера состоит в том, что его почти не знают в Соединенных Штатах. Я знаю только одного человека, который мог бы составить ему компанию, – это Сева Новгородцев. Оба они, если так можно выразиться, «диск-жокеи», аудитория которых находится за пределами той страны, из которой они вещают. Влияние обоих на их аудиторию было настолько велико, что оба они были провозглашены заклятыми врагами коммунизма. Личное знакомство с ними или даже переписка были чреваты для граждан Советского Союза очень серьезными последствиями».

– В корне своем я человек джазовый, – говорит Сева. – Начинать как саксофонист и с 18 лет играл в джазовых танцевальных оркестрах. Есть в Ленинграде такой Давид Голощекин – мой приятель по студенческим годам. По-моему, он даже какой-то самостоятельностью руководил у нас, в мореходном училище Макарова. Я жил у него и спал под роялем, накрываясь попоной. Однажды я пришел к Додику, а он сидит и слушает какие-то записи. Спрашиваю: «Кто это играет?» – «Понимаешь, старичок, слушаю раннего себя!» Таким образом, он меня как бы раскопал. А в это время, в начале 60-х, был на ленинградском телевидении такой студенческий джаз-октет из Института точной механики и оптики. Конечно, на самом деле никакого института, никакой механики и оптики не было, но Додик меня туда как-то кооптировал – играть на тенор-саксофоне. И раз в две недели мы выступали по телевидению. Спустя четыре года Додик сманил меня,

с большим трудом, правда, на гастроли. А уже после был оркестр Иосифа Вайнштейна – вот с этого момента и началась серьезная деятельность. Ведь для меня музыканты Вайнштейна были абсолютными кумирами, полубогами.

А еще был период мореходный. Окончив Макаровку, я поехал на какие-то подводные лодки, на Север, на четыре месяца. На подводных лодках я, конечно, не был – я там в муззвезде на кларнете упражнялся. Это было в городе Заполярном, в центре которого стоял замечательный Дом офицеров. В подвале там был бассейн 25 метров, где мы плавали от завтрака до обеда. А

Обществе дружбы с Норвегией. И тогда мне, в том советском стиле, дали неограниченные полномочия собрать со всего эстонского флота музыкантов. Я понимал, конечно, идеологическую задачу: с одной стороны, надо было показать Западу, что мы тоже не лыком шиты, а с другой – нельзя было превзойти некоторые рамки жанра. А тогда была такая форма эстрадного квартета – аккордеон, акустическая гитара, кларнет и контрабас. Эту форму, вполне идеологически безопасную, я и выбрал. Но при этом мы играли несколько номеров, один из которых назывался «Ветерок в пустыне» (композитор Дмитриев). На самом деле

нечно, дружба, – но вон товарищи из посольства стоят!» Товарищи из посольства оказались самыми профессиональными. Они с очаровательными дипломатическими улыбками сказали: «Конечно же, завтра, разумеется!» Короче, на следующий день мы в порту стоим, в рубке штурманской репетируем, последнюю полировку наводим. И каждые полчаса приезжает курьер в фуражке на велосипеде и говорит: «Ну что же господа русские музыканты не едут, на радио уже волнуются!» Мы звоним в посольство, а там как-то все неопределенно. То есть куда-то исчез автобус, кто-то не приехал. И наконец выясняется, что по-

Северному. Далее были Вена и Рим, тяжелая эмигрантская доля с возможным трудоустройством штурманом на канадский пароход. И бороздить бы Севе моря, если бы не случай в лице Алексея Леонидова, джентльмена в белом пальто, предложившего работу на Русской Службе Би-би-си. Когда Сева в Рим приехал, то первым делом приобрел у безвестного голландского студента поддержанный автомобиль «Фольксваген-жук». Номер начинался с букв DJ, то есть диск-жокей. Вот вам и божественное предначертание. Сева как-то говорил о разных путях духовного познания мира. Сам он уверен, что своими «шутками-минутка-

людьми, этакими радиинными осликами, которыми из корпоративной системы переводились и выдавались в эфир новости и всякие там сообщения. Кроме того, у Би-би-си была объявлена так называемая политика «свежей крови». Каждые три года они нанимали новых журналистов. В отношении России эта политика была совершенно безумной и никогда не была осуществлена – какие там журналисты в 77 году, разве что перебежчики. Поэтому брали кого ни попадя. И набрали в результате людей вроде меня. Скажем, в нашем наборе на Би-би-си был мой приятель – бывший офицер морского флота и мастер спорта по боксу, был другой мастер спорта – по прыжкам в высоту и лексикограф – составитель первого спортивного словаря в России, рассыпанного в связи с его эмиграцией в Израиль. Был специалист по напряженному железобетону, был доктор, был я – саксофонист и штурман. Такая вот разношерстная публика.

Мне довелось работать с Анатолием Максимовичем Гольдбергом. Не знаю, где он родился, но русский был у него первым или вторым языком. Он вещал на Би-би-си по-английски, по-русски, владел языком мандаринов, выдавая его в китайской службе; он выступал в болгарской службе, он свободно говорил по-французски, а немецкий был у него практически родной, потому что он в Германии заканчивал университет. Это был последний человек на Би-би-си, который выходил в эфир в бабочке. Работа Анатолия заключалась в том, чтобы каждый день давать пять минут своих комментариев. Но есть защита организма от перегрузки – никто не хочет вместо пяти минут давать семь. Поэтому он писал минуты на три с половиной, но начитывал на пять. А отсюда – такая специальная подача, пробивавшая все глушаки и непотычки эфира.

В своих передачах мы каждую неделю на протяжении уже 15 лет пьем вино. Начинать мы «Севаоборот» в 87 году, в годы горбачевских минеральных реформ, когда уничтожали виноградники, – и для нас это было принципиально важно. Задача заключалась в том, чтобы показать, что можно вполне в джентльменском режиме работать и пить вино одновременно.

Нашему новому проекту – русскоязычной станции уже два года, мы на плаву, и к нам уже привыкли отравленные сладким ядом слушатели. Станция развивается по принципу мыльной оперы. Не то что мы сочиняем что-то, но сами люди, участву-

ющие в работе, по сути, являются ее героями. Начинать я один – бюджета не было, людей не было, формат надо было выработать. Я начал в марте, а летом Ольга, моя жена, дизайнер по костюмам, получила контракт в Кировском театре – делать костюмы к опере «Снегурочка». В последний день, 26 июля, ей очень важно было какие-то обсуждения провести, и никак она не могла уехать. Вечером выяснилось, что виза у нее закончилась. Конечно, ее ни в какую Англию не пустили, консульство ее завернуло назад, и она оказалась

до решение о закрытии авторской программы Новгородцева «Рок-посевы», которую он вел на протяжении 25 лет.

– Россия после 1991 года падает прочно в разряд демократических стран, – комментирует Сева, – и к ней вновь применяется принцип свежей крови. Давайте возьмем журналистов-профессионалов с опытом работы, которые знают английский язык. И действительно, такие нашлись профессионалы со знанием

Ясно было, что Маркони изобрел одно радио, а Попов – другое

в совершенном отрыве от мужа и денег. В результате мне пришлось бросать всю работу и лететь ее выручать. А на кого станцию оставить? У меня был постоянный слушатель, ночной сторож в каком-то офисе, которого я знал, поскольку он нам на автоответчике постоянно свои мысли оставлял. И я ему говорю: «Юра, приезжай, мне станцию не на кого оставить». А он: «Да я никогда в жизни микрофон в руках не держал». «Ну, я тебя сейчас научу, чему можно за один день, и оставлю несколько записей, а ты их просто будешь ставить». Он приехал, и его чуть кондратий не хватил за те несколько дней, что меня не было. Но как-то справился, и теперь от микрофона отойти не может.

Пока мы вещаем час в день, но будем расширяться, поскольку потребность в нас совершенно острая. Ведь русский человек, приехав за границу, совершенно потерял – обстановка вокруг враждебная, все говорят на других языках, движение в другую сторону, все не как у нас. Нужно лечить их от ностальгии и знакомить с тем, что вокруг происходит. Еще возникают проблемы в долго живущих там семьях: дети начинают ходить в английскую школу, у них английские друзья, и начинают стыдиться своих русских родителей. Начинает теряться русский язык, и возникает самый что ни на есть раскол отцов и детей. И здесь русское радио может помочь, поскольку там есть разговоры, песни и шутки, которые легко слушать.

Недавно руководство Русской службы Би-би-си приня-

английского языка. Но все они работали на иновещании, а кем оно курировалось, вы знаете. Так что у них лишь внутреннее наполнение несколько поменялось, и это тонкий нюанс, который нашим иностранным друзьям понять сложно. Это я к тому, что эволюция событий на международном уровне развивается в разные стороны. Теперь эти люди оказались у руля Русской службы.

Я с легкой гордостью могу сказать, что был если не первым, то одним из первых, кто еще в конце 70-х предвещал и проповедовал развитие независимого радио в России. Сейчас дело движется очень быстро, иногда натыкаешься на диск-жокеев, которые говорят уже грамотно, на итальянский манер. То есть они начинают фразу и на одном дыхании до следующей точки ее доводят, не запинаясь. Другое дело – что они говорят. Но труд радиовещателя – дело очень одинокое. Перед тобой микрофон, прямой эфир – и ты говоришь в него месяцами и годами, не зная, что происходит с обратной стороны. А двадцать пять лет спустя стоять на сцене и получать «Золотой микрофон» – понимаете, какие меня обуревали чувства: хочется зарыдать и вытереть глаза большим платком. Мне прошлым летом 62 года исполнилось – по возрасту пора огорода уже копать. И то, что я куда-то там на мотоцикле ездю, передачи веду, – может кому-то в чем-то помочь морально. Вселить надежду, что не обязательно еще себя списывать в этом возрасте. ■

Свадьба с Ольгой Шестаковой в 1999 году.

Фото Алексея Татищева

затем шли репетировать, потому что сделали в Заполярном джаз-оркестр и играли там на офицерских танцах. В конце концов я оттуда демобилизовался через четыре месяца и пошел в Эстонское морское пароходство штурманом. Но дудку, так сказать, не бросал, занимался.

Первое мое путешествие за границу, в Норвегию, было связано как бы с культурной миссией. Меня вызвал начальник пароходства, бывший младшим братом Кэбина, секретаря ЦК Эстонии. А он меня с детства знал. И говорит: «Севка, Севка, ты вроде как на дудке играешь? Ну-ка давай собери джаз какой-то свой, в Норвегию поедешь с культурной миссией». И вот шел туда теплоход под названием «Кейла», которому дали «культурную миссию» выступить в

это была версия «Undecided» Бенни Гудмена, перекатанная один к одному. И вот мы приехали в Норвегию. Дом дружбы, выходит квартет моряков, и мы вжариваем довольно-таки профессионально этот «Ветерок в пустыне», я играю соло на кларнете. А там ребята тоже понимают, что к чему, – подходит ко мне журналист: «Вы же Бенни Гудмена играли?» – «Да». – «Так, может быть, вы выступите завтра по норвежскому национальному радио в семь часов?» Ну, сами понимаете, это же провокация буржуев. Но я говорю: «Конечно, да, но давайте спросим у капитана». Капитан-эстонец говорит: «Ну конечно, ну спроси у помпы!» Помпа – это замполит, первый помощник. Подходим к помпе, а помпа идеологически еще выдержаннее нас: «Да, ко-

сольские очень мягко, очень дипломатично весь этот конфликт «замылили». В результате на норвежское радио мы не поехали и провокация буржуев была сорвана. Вот так и начиналась моя международная музыкальная карьера.

В Эстонии Сева трудился третьим штурманом, ведя при этом судовую кассу. С той поры и осталась у него привычка подшивать бумаги в особые папки. Байки свои, говорят, он хранит в чемодане. До отъезда в 1975 году на Запад Сева успел поручководить ВИА «Добры молодцы» и объехать с ними полстраны, вывезя оттуда половину своего чемодана с байками. Музыканты ансамбля аккомпанировали как Юрию Антонову, так и Аркадию

ми» обратил в веру многих, чем и улучшил человечество.

– Раньше, – вспоминает ведущий, – у меня была своя теория двух моделей радио – западной и восточной, в корне отличавшихся друг от друга. Сегодня эта шутка уже никого не смешит, поскольку радио одинаково, но в конце 70-х – начале 80-х разница была такая разительная, что ясно было, что Маркони изобрел одно радио, а Попов – другое. Ведь в начале 80-х на нашем радио был такой чудовищный застой, который сейчас невозможно себе даже вообразить. Каждая ошибка, включая неправильное ударение, была ЧП, за которое с работы увольняли. Но когда я на Би-би-си поступил, мы были довольно бесправными